

УДК 82-141

ББК 83.3(2=411.2)5

Татьяна Александровна Кошемчук

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков и культуры речи, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: koshemchukt@mail.ru

Добро и зло в поэзии А. Фета и этический идеал В. Соловьева

Аннотация. Выявляется и анализируется философская проблема добра и зла в творчестве А.А. Фета. Хотя поэт традиционно воспринимается как представитель направления «чистого искусства», в настоящее время актуально исследование мировоззренческой составляющей его творчества. Тем не менее этические воззрения Фета остаются почти не изученными. Они рассматриваются на материале лирики 1850–80-х гг. и статей поэта этого периода. Центральным объектом исследования является стихотворение «Добро и зло» (1884 г.), уникальное своей попыткой выразить сущность основных этических категорий средствами лирики. Историко-культурный анализ текста стихотворения позволяет сделать заключение: в процессе освоения и критического осмысливания философских тенденций его эпохи (этики Шопенгауэра и немецкого идеализма, нравственных исканий Л. Толстого, этической концепции В. Соловьева) поэт-мыслитель сумел выработать собственную уникальную позицию в отношении добра и зла. На основе анализа художественных образов стихотворения делается предположение о сходстве адресата фетовского послания с обликом молодого Соловьева. По итогам исследования предлагаются выводы о значении этической проблематики для Фета и о глубинном созвучии фетовского и соловьевского подходов к добру и злу.

Ключевые слова: русская философская лирика, философская поэзия Фета, мотивы добра и зла в русской поэзии, философия А. Шопенгауэра, этика В. Соловьева, идея оправдания добра

Tatjana Alexandrovna Koshemchuk

Saint-Petersburg State Agrarian University, Professor, Head of the Department of Foreign Languages and Culture of Speech, Dr. Hab. (Philology), Russia, St. Petersburg, e-mail: koshemchukt@mail.ru

Good and evil in the poetry of A. Fet and the ethical ideal of V. Solovyov

Abstract. This article identifies and analyzes the philosophical problem of good and evil in the works of A.A. Fet. Although the poet is traditionally perceived as a representative of the “pure art” trend, it is now important to study the ideological dimension of his writing; nevertheless, his ethical views remain under-researched. The article examines them through an analysis of his lyric poetry from the 1850s to the 1880s. The central object of the study is the poem “Good and Evil” (1884), unique in its attempt to express the essence of the main ethical categories by means of lyrics. The historical and cultural analysis of the text allows to conclude that through the process of assimilating and critically reworking the philosophical trends of his era (Schopenhauer's ethics and German idealism, L. Tolstoy's

moral quest, V. Solovyov's ethical concept), the poet-thinker develops his own unique position on good and evil. Based on the analysis of the artistic images of the poem, it is suggested that the addressee of Fet's message bears a resemblance to the young Solovyov. The study concludes by highlighting the significance of ethical issues for Fet and about a profound harmony between his and Solovyov's approaches to good and evil.

Key words: Russian philosophical poetry, philosophical poetry of Fet, motives of Good and Evil in Russian poetry, philosophy of A. Schopenhauer, ethics of V. Solovyov, the idea of justification of goodness

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.4.108-121

В 1884 году А. Фет пишет стихотворение, в котором призывает «различать добро и зло»¹ и публикует его во втором выпуске «Вечерних огней» (1885 г.). Оно по своей тематике, обозначенной в названии «Добро и зло», кажется нехарактерным для поэта, ведь по давней и прочной традиции Фет считается чистым лириком, поэтом красоты, природы и любви. Эта традиция, как будет показано ниже, во многом воздействовала на интерпретацию стихотворения. Сложившаяся еще при жизни Фета, она проявляется в большинстве посвященных ему исследований. Среди них тем не менее можно отметить и те, которые акцентируют в поэзии Фета философские, религиозные, метафизические и мистические мотивы. Фет как поэт мысли в настоящее время представлен в антологии «А.А. Фет: pro et contra»², которая целиком посвящена мировоззрению поэта и представляет Фета как автора не менее сотни стихотворений, содержащих философские или религиозные мотивы. Англоязычные авторы, пишущие о русской литературе, видят в Фете именно поэта «чистого искусства». Они нередко опираются на известный на западе труд *History of Russian Literature: from Its Beginning to 1900* Д.П. Святополка-Мирского³ и, говоря о Фете, следуют не только его оценкам личности Фета (резко негативным) и его творчества, но и выбору главного стихотворения, характеризующего все творчество поэта. Этот единственный текст, который целиком приводит Мирский в главе о Фете, – «Буря на небе вечернем...». Именно его подробно разбирает, например, М. Вахтель в кембриджской истории русской поэзии⁴ и вслед за Мирским оценивает фетовские стихи как мыслительно скучные. Автор牛ксфордской «Истории русской поэзии» также не видит в стихах Фета глубины: «His themes seem to

¹ См.: Фет А.А. Добро и зло // Фет А.А. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1959. С. 104 [1].

² См.: «А.А. Фет: pro et contra». 2-е изд., испр. и доп. / сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Кошемчук. СПб.: РХГА, 2022 (Русский Путь). 960 с. [2].

³ См.: Святополк-Мирский Д.П. Фет // История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск: Сибирь и сыновья, 2014. С. 357–362 [3].

⁴ См.: Wachtel M. The Cambridge Introduction to Russian Poetry. New York: Cambridge University Press, 2004. С. 113 [4].

be less important than his impressionistic style» («Его темы кажутся менее значимыми, чем его импрессионистский стиль») [5, с. 140].

Этот подход в настоящее время представляется преодоленным. Но значимость философской проблематики Фета по-прежнему оценена недостаточно. Так, исследователями поэзии Фета почти не уделялось внимание этической теме в лирике поэта-мыслителя. Однако этот аспект его творчества позволяет углубить понимание Фета как философа. В стихотворении «Добро и зло» лирик, исповедующий культ красоты, предстает философом-этиком, размышающим о сущности добра и зла, – это уникальная и заслуживающая рассмотрения ситуация.

Действительно, в русской философской лирике XIX века нет других, столь подробных развернутых поэтических высказываний о добре и зле. Этические мотивы звучали у предшественников Фета (например, у Пушкина, Лермонтова, Баратынского) лишь в контексте других лирических тем. Также и у Фета можно отметить десяток стихотворений разных лет, начиная с 1850-х гг., включающих в себя тему добра и зла. Итог своих нравственных исканий он подводит в стихотворении «Ничтожество» (1880 г.): «Я все ищу *добра*, но нахожу лишь *зло*» [6, с. 101]. Здесь выражена постигнутая поэтом горькая истина – господство зла и ошибочность надежд на добро.

Безотрадность этой итоговой позиции Фета была неприемлема для его преданного друга, молодого философа Вл. Соловьева, мировоззрение которого определялось глубокой интуицией добра. Его труды всего периода (1880-е и начало 1890-х гг.), когда философа и поэта связывала тесная дружба, одушевляла именно вера в силу добра. Тем не менее у Соловьева не получилось передать свою убежденность в конечном торжестве добра старшему скептическому и ироническому другу, в мироощущении которого сказывалась не менее глубокая интуиция зла и его непобедимости в мире. Потому в стихах Соловьева, посвященных смерти Фета (1892 г.), звучит загадочная для их автора, не стираемая временем тема непримиренности со смертью: «...почему же с этого могилой / Меня не может время *примирить?*» («Памяти А.А. Фета», 1897 г.) [7, с. 107]. Вероятно, причина в том, что его любовь к старшему другу и гениальному поэту (Соловьев первый так оценил Фета, отвергаемого современниками) не могла преодолеть трагизм мироощущения Фета, при всей силе и убедительности главной интенции философа-этика – к «*оправданию добра*», которая в будущем реализуется в его главном произведении. Но... к Фету Соловьев приблизился в последние годы жизни, когда опыт метафизического зла стал основанием для изменения его взглядов. Собственная мировоззренческая драма заставила Соловьева допустить: зло есть «действительная сила, посредством соблазнов владеющая нашим миром...» («Три разговора», 1899 г.) [8, с. 636]⁵. Именно эта мысль о господстве зла в мире просматривается в фетов-

⁵ Об этом этапе как о глубоком метафизическом кризисе и об отказе от идеи добра как итога исторического процесса см.: Душин О.Э. Шеллинг и Соловьев о проблеме зла // Соловьевские исследования. 2015. Вып. 1(45). С. 26–28 [9]. О понимании природы зла поздним Соловьевым

ском «...нахожу лишь зло». А в одной из граней зла, названных в «Трех разговорах», Соловьев будет особенно близок Фету – зло общественное, сопротивляющееся добру. Злоба толпы – тема, звучащая у Фета, как и у других поэтов XIX в., но, пожалуй, с более острым драматизмом, с глубоким презрением к буйной и развратной толпе, которой противостоит ненавидимый ею поэт («Сонет», 1866 г.). В этом русле почти словами Фета и даже возможным отголоском его жизненной борьбы позднее, в «Трех разговорах», у В. Соловьева прозвучит: «Есть зло общественное – оно в том, что людская толпа, индивидуально порабощённая злу, противится спасительным усилиям немногих лучших людей и одолевает их...» [8, с. 727].

Фет и Соловьев сходятся еще в одной грани трактовки зла, восходящей к общему источнику – к православной аскетической традиции. О постижении зла внутреннего в христианстве Фет писал в послесловии к переводу «Мира как воли и представления» Шопенгауэра (1880 г.), причем его мысли отнюдь не созвучны с шопенгауэрскими: христианство, как «религия откровенная», «...имеет дело главным образом с духовной стороной человека, с сердцем, из коего исходят помышления злые»⁶. В душе человека Фет видит настоящее, «губительное, исконное зло, которое встает беспощадным князем мира сего»⁷. Фет в своих размышлениях о зле мира использует библейский образ грехопадения: «Вкусив на опыте от древа познания добра и зла во внешнем мире, человек путем внутреннего опыта познает это добро и зло в своей душе» [11, с. 80]. Причем подобные идеи Фета нашли выражение в поэтической форме уже в 1850-е годы, задолго до Шопенгауэра и Соловьева. В стихотворении «В пору мечты, любви, свободы...» (1855 г.) он писал о своем осознании того, «...как живуща, как ядовита / Эдема старая змея!», и о постижении действий злого духа в душе: «И духа злобы над душою / Я слышу тяжкое крыло» [12, с. 268]. Это поэтическое признание Фета говорит о глубине его понимания религиозных основ жизни и о близости к мистическому восприятию зла, которое характерно для православной традиции.

Стихотворение «Добро и зло» (1884 г.) уникально в фетовской лирике. Это строго продуманное высказывание поэта-философа. Для понимания выраженной в нем этической концепции важны некоторые жизненные факты. В 1880 г. Фетом завершен перевод «Мира как воли и представления» Шопенгауэра. С 1881 года знакомство Фета с Соловьевым⁸ перерастает в переписку и

см.: Ненашев М.И. Поздний Соловьев: перемена в понимании природы зла и безусловной достоверности // Соловьевские исследования. 2008. Вып. 18. С. 95–112 [10].

⁶ «Послесловие А. Фета к его переводу Шопенгауэра» цитируется по изданию: Фет А.А. Послесловие А. Фета к его переводу Шопенгауэра // А.А. Фет: pro et contra: антология. 2-е изд., испр. и доп. / сост., вступ. ст., comment. Т.А. Кошемчук. СПб.: РХГА, 2022 (Русский Путь). С. 82 [11].

⁷ Там же.

⁸ См. о знакомстве Фета с Соловьевым в середине 1870-х гг.: Переписка Фета с Вл.С. Соловьевым (1881–1892) / публ. Г.В. Петровой // А.А. Фет: Материалы и исследования. Вып. 2. СПб.: Контраст, 2013. С. 362 [13].

постоянное общение. Причем оно отмечено, скорее, воздействием Фета на Соловьева, нежели обратным⁹. В 1881 году Фет читает подаренную Соловьевым «Критику отвлеченных начал» и, выражая свое «восхищение» книгой, особенно выделяет в ней «ее критическую сторону»¹⁰, а значит, и критику Соловьева в адрес Шопенгауэра и его этического учения¹¹. В конце 70-х и начале 80-х гг. происходит драматический поворот в очень значимых для Фета отношениях с Толстым: Фет не принял толстовских религиозных и этических исканий. Наступило охлаждение, драматически переживаемое Фетом. Толстой потерял интерес к бывшему другу. В итоге можно сказать, что обстоятельства жизни к 1884 году вовсе не подталкивали Фета к созданию стихотворения на этическую тему, но, скорее, могли оттолкнуть от нее. Так что осмысление добра и зла без внешней мотивации потребовало для себя итоговой выраженности – своего рода лирического самоотчета. Поэтому вряд ли стоит искать в стихотворении «Добро и зло» «воздействий» или «влияний», будь то Шопенгауэр или Канта, Толстого или Соловьева. Но, быть может, сам облик В. Соловьева отразился в поэтическом творении Фета, в образности стихотворения.

Что сказано об этом произведении Фета критиками? Б.В. Никольский в статье «Основные элементы лирики Фета» (1912 г.) рассуждает об оправдании зла у Фета, о допустимости примирения со злом, если в зле есть красота, о поэтическом изобличении древнего искусителя. Но в стихотворении Фета нет ни оправдания зла, ни примирения с ним, ни обличения искусителя. Все это привнесено самим Никольским, равно как и опорные понятия вывода (красота, свобода, художник): «...добрь и зло – для человека, красота – для художника», «в обоих царствах с различными законами нужно оставаться свободным»¹². Исследователи нередко вкладывают в стихи поэта те мысли, которые волнуют их самих, отступая от поэтической мысли автора, причем не только в оттенках смысла, но даже и в основной поэтической идее.

Подобные же вольные интерпретации характерны и для исследования Д.С. Дарского «Радость земли» (1916 г.). Он в кратком фрагменте о «Добре и

⁹ См., например: Коковина Н.З., Силакова Д.В. «Фетовский» мир в письмах Владимира Соловьева // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. Вып. 4(51). С. 119 [14].

¹⁰ См.: Письмо Фета к Соловьеву 14 марта 1881 года // Переписка Фета с Вл.С. Соловьевым (1881–1892) / публ. Г.В. Петровой. С. 374.

¹¹ О критике В. Соловьевым учения Шопенгауэра в «Критике отвлеченных начал», о бессознательной воле как одной из «разнообразных односторонностей, имевших место в истории философии» см.: Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 180–183 [15].

¹² См.: Никольский Б.В. Основные элементы лирики Фета // А.А. Фет: pro et contra, антология. 2-е изд., испр. и доп. / сост., вступ. ст., comment. Т.А. Кошемчук. СПб.: РХГА, 2022 (Русский Путь). С. 856 [16].

зле» тоже говорит о красоте как «мистической сущности», которая «выше моральных оценок, выше добра и зла»¹³. И делает вывод: «Здесь последний предел, до которого доходил Фет в своем обожествлении поэтического дара» [17, с. 857]. Но Фет вообще не говорит здесь о красоте и о поэзии. Он говорит о познании добра и зла. И этого не воспринимают критики, видящие в поэте певца чистого искусства.

Н.Н. Страхов в письме Фету, давая высокую оценку его произведению, усматривает в нем «...гегелизм и мистику во всю высоту»¹⁴. Современный исследователь Фета философ Л.А. Калинников комментирует этот тезис Страхова, и пишет, что Фет, «видимо, „гегелизмом и мистикой“ своего творения был бы озадачен: ни того ни другого он не имел в виду...» [19, с. 859]. Сам же философ доказывает, что хотя мысль «Где есть добро, там есть и зло» (он приводит цитату из ранней редакции) действительно несет в себе гегельянство, но первые две строфы придают стихотворению кантианский характер. Хочется добавить: Фет не менее чем «гегелизмом и мистикой» был бы «озадачен» и своим «кантианством». У Калинникова мы найдем не анализ фетовских мыслей, а рассуждения философа-кантианца о Боге и о том, например, что «различием добра и зла мы не равны Богу, а много сложнее его»¹⁵. В статье Н.В. Цепелевой речь идет именно о фетовском понимании добра и зла, которое, однако, трактуется как христианское: «Перед нами предстаёт христианская концепция мира и человека, в контексте которой рассматривается проблема добра и зла» [20, с. 52]. Это заключение основано на таких аргументах, как использование Фетом, например, образа солнца, который, с точки зрения автора, является «указанием на христианскую концепцию мира»¹⁶.

Приведенные интерпретации показывают: гораздо труднее, чем может показаться, прочитать стихотворение поэта-мыслителя, отрещившись от собственных взглядов, то есть в сгущенном метафорическом тексте выявить скрытый смысл, «переведя» его с языка художественных образов на понятийный уровень словесного выражения. И здесь важна интенция исследователя – стремление к пониманию мысли поэта и ее оттенков, данных в образах, в скрытых и явных аллюзиях, ощущимых в подтексте стихотворения, но главное – выраженных не с помощью образов, но непосредственно и открыто. Так, Фет формулирует тему

¹³ См.: Дарский Д.С. «Радость земли». Исследование лирики Фета // А.А. Фет: pro et contra, антология. 2-е изд., испр. и доп. / сост., вступ. ст., comment. Т.А. Кошемчук. СПб.: РХГА, 2022 (Русский Путь). С. 857 [17].

¹⁴ Письмо Н.Н. Страхова Фету 24–28 сентября 1884 г. цитируется по: Переписка с Н.Н. Страховым. 1877–1892 / вступ. ст., публ. и comment. Н.П. Генераловой // А.А. Фет и его литературное окружение. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 381 [18].

¹⁵ См.: Калинников Л.А. А. Шопенгауэр и И. Кант в философско-поэтическом мировоззрении А.А. Фета // А.А. Фет: pro et contra: антология. 2-е изд., испр. и доп. / сост., вступ. ст., comment. Т.А. Кошемчук. СПб.: РХГА, 2022 (Русский Путь). С. 860 [19].

¹⁶ См.: Цепелева Н.В. «Добро и зло как прах могильный...»: образ художественной реальности в стихотворении А.А. Фета // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 1. С. 50 [20].

стихотворения в его названии как добро и зло, но мысль критика порой устремляется к теме искусства, следуя сложившейся традиции.

Стихотворение «Добро и зло» несет в себе строго продуманную концепцию в трех ее частях. Первые 8 строк – преамбула, в которой выражено фетовское поэтическое двоемирие:

Два мира властвуют от века,
Два равноправных бытия:
Один объемлет человека,
Другой – душа и мысль моя.

И как в росинке чуть заметной
Весь солнца лик ты узнаешь,
Так слитно в глубине заветной
Всё мирозданье ты найдешь [1, с. 101].

Два мира у Фета – обратим на это внимание прежде всего – это не платоновские мир идей и мир вещей, не мир ложный и мир истинный. В центре внимания Фета-философа – человек, и относительно человека определяются эти миры. Это мир, *объемлющий человека*, внешний мир вокруг него, не непрерывно земной мир, но ВЕСЬ, включая без оговорок и возможный вовне мир высший, мир идей – как его ни определяй. Другой мир – не просто внутренний мир *человека*, но персоналистично: мир души и мысли как мир конкретной личности, *моей* души и *моей* мысли (Фет не говорит о *воле*). Нужно добавить уточняющие оттенки, причем каждый дан в одном слове: это два *бытия*, то есть две реальности, ни одна из них не *представление*; это миры *равноправные*: нет истинного и мнимого; это разделение дано *от века*, изначально, от сотворения мира и человека; они *властвуют* – их бытие активно и само себя определяет. Фет утверждает и отсутствие непроходимой грани между ними: в «заветной глубине» души, малой части, можно обрасти целое. Эта мысль выражена и через образную аналогию: образ – изначальное доказательное средство поэтов. Так в малом (росинке) отражается большое (солнце). Еще раз: это не разделение на земное, низшее, и на божественное, высшее. Фетовское двоемирие можно было бы охарактеризовать на языке Андрея Белого как своего рода дуомонизм. Он дан с точки зрения присущего поэту-философу здравого смысла, трезвой мысли: он наблюдает мир и себя в мире как очевидное двуединое целое.

Стоит отметить, что весьма длительная история создания этого стихотворения (у него четыре ранние редакции)¹⁷ немногое дает для его понимания: стихотворение сложилось сразу, и изменения касались лишь отдельных строк. Так,

¹⁷ См.: Три письма Н.Н. Страхова к А.А. Фету // А.А. Фет и его литературное окружение. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 548–550. Восстановленные редакции приведены в издании: Фет А.А. Сочинения и письма: в 20 т. Кн. 1. Вечерние огни. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. С. 154–158 [21].

«другой» мир был охарактеризован сначала как мир познания человека: «В другом познать желаю я». Идея познания (далее – мысль моя) обогатилась в четвертой редакции: «Другой я сам и мысль моя», в итоге: «Другой – душа и мысль моя» [21, с. 154–158]. Эти две строфы на одном из этапов были Фетом вычеркнуты (Страхов нашел их бледными) и вновь восстановлены (опять же по совету Страхова), вероятно, как необходимое исповедание философской веры, говорящее о значимости человека, о его познавательных возможностях.

Еще один важный нюанс: интонация во втором четверостишии становится интимной и дружеской – зазвучало лирическое «ты», за которым угадывается некий адресат стихотворения. К этому «ты», герою стихотворения, обращено наставительное послание:

Не лжива юная отвага:
Согнись над роковым трудом –
И мир свои раскроет блага;
Но быть не мысли божеством.

И даже в час отдохновенья,
Подъемля потное чело,
Не бойся горького сравненья
И различай добро и зло [1, с. 104].

Здесь, во второй части, можно выявить некоторые черты адресата стихотворения. Прежде всего, это молодость. Когда Фетом были вычеркнуты первые строфы, он добавил четверостишие, впоследствии снятое, в котором идея молодости была выражена ярче: «Ты прав, когда из колыбели / Воспрянув только что вчера, / Одной ты в жизни веришь цели / И ищешь блага и добра» [21, с. 154]. Так что это молодой энтузиаст добра, ищущий лишь его, и – усердный труженик. И надо полагать, это труд умственный, за письменным столом, за который *отважно* принимается молодой мыслитель. Он в минуту отдыха *поднимает* свое чело, и он в поте лица и бесстрашно решает проблему добра и зла. Именно к этому – *не бояться и различать* добро и зло – призывает поэт, уверяя, что труд этот оправдан (*не лжив*) и полезен: внешний мир в ответ *раскроет* свои блага. При этом поэт высказывает молодому философу-этику и свое предостережение: «*Но быть не мысли божеством!*»! Эту фразу можно прочитать так: мысль не должна стать божеством. Такое предостережение имеет смысл в качестве обращения именно к человеку мысли: не стоит обожествлять мысль. Однако эту фразу можно прочитать и иначе: трудись и при этом не думай стать божеством, не верь обещанию змея-искусителя, что познающие добро и зло станут как боги: «...вы будете как боги, знающие добро и зло...» (Быт. 3:5) – эта аллюзия прозрачна в стихотворении. Фетовское предостережение адресовано именно философу-труженику, стремящемуся лишь к благу, – и мы можем угадать в этом

образе черты молодого Соловьева, не вдохновенного мыслителя, но скрупулезного молодого философа добра и критика отвлеченных начал.

Так или иначе в этой части Фетом дан один из вариантов жизни человека-мыслителя на земле после грехопадения, когда предложение змия было принято. Тогда началась земная история как путь к совершенству – так это осмыслил В. Соловьев. Человек не стал как боги, он не знает добра и зла, но призван различать. Ведь без возможности «...различить добро от зла безусловно и во всяком единичном случае сказать да или нет жизнь была бы вовсе лишена нравственного характера и достоинства», – напишет позднее В. Соловьев в «Оправдании добра» (1897 г.) [22, с. 97]. Ему противопоставлен (после начального «Но...» пятой строфы) иной вариант пути познания добра и зла. Это не труд, но взлет. Об этом говорит третья часть стихотворения:

Но если на крылах гордыни
Познать дерзаешь ты как бог,
Не заноси же в мир святыни
Своих невольничьих тревог.

Пари всезрящий и всесильный,
И с незапятнанных высот
Добро и зло, как прах могильный,
В толпы людские отпадет [1, с. 104].

Человек может пожелать – дерзновенно и гордо – действительного знания, которое есть у богов, познавать не земным мышлением, но высшим. Эта интенция означена как путь гордыни, а не смиренного труда. Это путь люциферического отказа от *невольничего* служения. На этом пути труженик мысли может стать крылатым, всезрящим и всесильным – в этой антитезе Фет противопоставляет два пути познания. Второй путь – взлет на крылах гордыни и парение в мире святыни, в мире незапятнанных высот. Это мир, не затронутый грехопадением, в отличие от мира подлунного, как раз запятнанного злом. Из этого представления в лирике Фета рождался целый ряд образов чистых звезд и неба. Поэт при этом не говорит ни о мире идей, ни о божественном или духовном. Он просто смотрит ввысь над собой – и с безусловной очевидностью видит в небесах чистый незапятнанный мир. Здесь же, в рассуждении о добре и зле, он предостерегает адресата стихотворения, который, быть может, захочет вступить на этот путь: в мир высот не надо вносить земные рабские заботы о добре и зле. Там неуместны эти категории. Предложенные змием и принятые человеком, неизбежные в мире внешнем, они отпадут сами собой.

И здесь нужно зафиксировать особую тональность фетовской мысли. Это презрительность. Добро и зло с высшей точки зрения подобны могильному

праху, они падают вниз, в подлунный мир, в *людские толпы*. Этот презрительный оттенок у Фета звучит ярко, например, в стихотворениях 1866 года, несущих в себе противопоставление истинной поэзии и пошлости псевдоискусства, поэта и толпы («Сонет», «Псевдопоэту»), то есть задолго до фетовского погружения в философию. Так что можно говорить именно о созвучии с тоном мысли Шопенгауэра. Эта презрительная тональность у Шопенгауэра очевидна, например, в том фрагменте его главного труда «Мир как воля и представление», где он определяет понятия добра и зла, не намереваясь «прикрываться» этими понятиями, как и словами *истина* и *красота*, которые произносятся обычно «с физиономией вдохновенного барана» и всем «опротивели»¹⁸. Шопенгауэр утверждает относительность этих понятий: добро для него – это то, что нравится воле, зло же есть нечто обратное, то, что не нравится воле. Завершается этот фрагмент невозможностью абсолютного добра (ибо воля ненасытима), и именно в той тональности, которая будет присуща и Фету: «Вот что я считал нужным сказать о словах *добroe* и *злоe*, а теперь перейдем к делу» [23, с. 339]. Но нельзя не отметить, что гордая презрительность к *толпам людским*, к *праху земному* в жизни Фета была небезосновательна: ненавидящая поэта *толпа*, *чернь*, доставила ему много тяжких переживаний на протяжении двух десятилетий его жизни.

Обнаруживая в интонациях Фета черты шопенгауэрианского превозношения и презрения к *толпе* и к различным востребованным ею «мифологиям» (религиозным учениям), подчеркнем, что эта философия не вполне удовлетворяла Фета¹⁹, отчасти и благодаря критике В. Соловьева – уже в самих определениях добра и зла. Так что фетовский призыв различать добро и зло в земных трудах – не по Шопенгаузру, но, скорее, в соловьевском духе: добро и зло есть атрибуты именно земного мира (где свершилось грехопадение). На происходящее земное, по Соловьеву, нужно смотреть «с точки зрения абсолютного»²⁰. Соловьев в «Оправдании добра» напишет то, с чем Фет согласился бы: «Бог выше противоречия между добром и злом. <...> Нельзя допустить ни того, чтобы Бог утверждал зло, ни того, чтобы Он отрицал его безусловно...» [22, с. 260]. Ограничившись указанием на то, что из зла можно извлечь большее добро, Соловьев в пределах своей этики не развивает эти мысли²¹. Но именно в этом ключевом пункте сосредоточена острые проблематичность фетовского стихотворения: Бог выше добра и зла. Эта мысль требует философского развертывания. Она, думается, и

¹⁸ См.: Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992. С. 337 [23].

¹⁹ См.: Калинников Л.А. А. Шопенгауэр и И. Кант в философско-поэтическом мировоззрении А.А. Фета. С. 858–860. В статье приводятся собранные автором критические высказывания Фета о Шопенгауэре и отвергается господствовавшая долгое время точка зрения о «влиянии» Шопенгаузера на фетовскую поэзию.

²⁰ См.: Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. С. 259.

²¹ Там же. С. 547.

есть то предназнание поэта или некий стоящий перед ним вопрос, из которого рождается стихотворение, – попытка абсолютного взгляда на добро и зло.

Итак, что же, по сути, сказалось у Фета? Есть два пути познания добра и зла. Один – различение добра и зла без стремления уподобиться богам. Второй – полет к высям, как раз уподобление богам и отказ от этих земных понятий. Не веря в воплощение идеальной мечты Соловьева о возможности должно – торжества добра в земной истории, Фет, не без ноты превосходства, призывал оставить эти хлопоты о мире *людских толп*. Но все же необходимость различения добра и зла в мире земном – это то, что Фет готов был признать, думается, при смягчающем воздействии соловьевского идеала.

Конечно, Фет, как и Соловьев, мог привести единственный аргумент против идеи о торжестве зла в мире – это воскресение Спасителя. По Соловьеву, «... зло явно сильнее добра, и если это явное считать единственным реальным, то должно признать мир делом злого начала» [8, с. 727]. Но есть и невидимое, и довод против «крайнего пессимизма и отчаяния» – «личное воскресение Одного»²². Так и Фет писал в предисловии к своему переводу «Фауста» Гете (1883 г.): основное учение христианства «...заключается в том, что мир во зле лежит и что только личное участие Божества способно искупить это зло» [24, с. 100]. О том же пишет Фет в пасхальном поздравительном стихотворении «В альбом» – в 1857 году, задолго до открытия Шопенгауэра и до знакомства с Соловьевым:

Победа! Безоружна злоба.

Весна! Христос встает из гроба... [25, с. 473].

Тема весеннего пробуждения природы и души завершается итогом: «Ни в смерть, ни в грустное забвенье / Сегодня верить не хочу». Но это только *сегодняшнее* утешение для поэта. И, конечно, он не удивился бы пессимистическому повороту и тем словам, которые через несколько лет после его смерти напишет его младший, почитаемый им друг: «Наступающий конец мира веет мне в лицо каким-то явственным, хотя неуловимым дуновением – как путник, приближающийся к морю, чувствует морской воздух прежде, чем увидит море» [26, с. 232].

Список литературы

1. Фет А.А. Добро и зло // Фет А.А. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1959. С. 101–104.
2. А.А. Фет: pro et contra: антология. 2-е изд., испр. и доп. / сост., вступ. ст., comment. Т.А. Кошемчук. СПб.: РХГА, 2022 (Русский Путь). 960 с.

²² См.: Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. С. 727–728.

3. Святополк-Мирский Д.П. Фет // История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск: Свинарь и сыновья, 2014. С. 357–362.
4. Wachtel M. The Cambridge Introduction to Russian Poetry. New York: Cambridge University Press, 2004. 166 p.
5. Bristol E.A. History of Russian Poetry. New York: Oxford University Press, 1991. 372 p.
6. Фет А.А. Ничтожество // Фет А.А. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1959. С. 101.
7. Соловьев В.С. Памяти А.А. Фета // Соловьев В.С. Полн. собр. стихотворений. М.: Книга по требованию, 2021. С. 107.
8. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 635–762.
9. Душин О.Э. Шеллинг и Соловьев о проблеме зла // Соловьевские исследования. 2015. Вып. 1(45). С. 15–30.
10. Ненашев М.И. Поздний Соловьев: перемена в понимании природы зла и безусловной достоверности // Соловьевские исследования. 2008. Вып. 18. С. 95–112.
11. Фет А.А. Послесловие А. Фета к его переводу Шопенгауэра // А.А. Фет: pro et contra: антология. 2-е изд., испр. и доп. / сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Кошемчук. СПб.: РХГА, 2022 (Русский Путь). С. 79–84.
12. Фет А.А. «В пору мечты, любви, свободы...» // Фет А.А. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1959. С. 268.
13. Переписка Фета с Вл.С. Соловьевым (1881–1892) / публ. Г.В. Петровой // А.А. Фет: Материалы и исследования. Вып. 2. СПб.: Контраст, 2013. С. 359–428.
14. Коковина Н.З., Силакова Д.В. «Фетовский» мир в письмах Владимира Соловьева // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. Вып. 4(51). С. 117–129.
15. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 180–183.
16. Никольский Б.В. Основные элементы лирики Фета // А.А. Фет: pro et contra: антология. 2-е изд., испр. и доп. / сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Кошемчук. СПб.: РХГА, 2022 (Русский Путь). С. 855–856.
17. Дарский Д.С. «Радость земли». Исследование лирики Фета // А.А. Фет: pro et contra: антология. 2-е изд., испр. и доп. / сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Кошемчук. СПб.: РХГА, 2022 (Русский Путь). С. 856–857.
18. Переписка с Н.Н. Страховым. 1877–1892 / вступ. ст., публ. и коммент. Н.П. Генераловой // А.А. Фет и его литературное окружение. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 233–550.
19. Калинников Л.А. А. Шопенгауэр и И. Кант в философско-поэтическом мировоззрении А.А. Фета // А.А. Фет: pro et contra: антология. 2-е изд., испр. и доп. / сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Кошемчук. СПб.: РХГА, 2022 (Русский Путь). С. 858–860.
20. Цепелева Н.В. «Добро и зло как прах могильный...»: образ художественной реальности в стихотворении А.А. Фета // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 1. С. 47–54.
21. Фет А.А. Вечерние огни // Фет А.А. Соч. и письма: в 20 т. Т. 5, кн. 1. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. С. 154–158.
22. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 47–580.
23. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992. 395 с.
24. Фет А.А. Предисловие А.А. Фета (Гете И.В. Фауст. Ч. 2) // А.А. Фет: pro et contra: антология. 2-е изд., испр. и доп. / сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Кошемчук. СПб.: РХГА, 2022 (Русский Путь). С. 94–112.
25. Фет А.А. В альбом // Фет А.А. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1959. С. 473.
26. Письма Владимира Сергеевича Соловьева. Т. 1–4. Т. 1 / под ред. и с предисл. Э.Л. Радлова. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1908–1923. 1908. 294 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Fet, A.A. Dobro i zlo [Good and evil], in Fet, A.A. *Polnoe sobranie stikhovorenij* [Complete Collection of Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1959, pp. 101–104.
2. Fet, A.A. Nichtozhestvo [Nothingness], in Fet, A.A. *Polnoe sobranie stikhovorenij* [Complete Collection of Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1959, p. 101.
3. Fet, A.A. «V poru mechty, lyubvi, svobody...» [“In the time of dreams, love, freedom...”], in Fet, A.A. *Polnoe sobranie stikhovorenij* [Complete Collection of Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1959, p. 268.
4. Fet, A.A. V al'bom [To the Album], in Fet, A.A. *Polnoe sobranie stikhovorenij* [Complete Collection of Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1959, p. 473.
5. Fet, A.A. Vechernie ogni [Evening Lights], in Fet, A.A. *Sochineniya i pis'ma v 20 t., t. 5, kn. 1* [Works and Letters in 20 vols., vol. 5, book 1]. Moscow; Saint-Petersburg: Al'yans-Arkheo, 2014, pp. 154–158.
6. *Pis'ma Vladimira Sergeevicha Solov'eva v 4 t., t. 1* [Letters of Vladimir Sergeyevich Solov'yov in 4 vols., vol. 1]. Saint-Petersburg: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1908–1923, 1908. 294 p.
7. Shopengauer, A. Mir kak volya i predstavlenie [The World as Will and Representation], in Shopengauer, A. *Sobranie sochineniy v 5 t., t. 1* [Collected works in 5 vols., vol. 1]. Moscow: Moskovski klub, 1992. 395 p.
8. Solov'ev, V.S. Pamyati A.A. Feta [In Memory of A.A. Fet], in Solov'ev, V.S. *Polnoe sobranie stikhovorenij* [Complete Collection of Poems]. Moscow: Kniga po trebovaniyu, 2021, p. 107.
9. Solov'ev, V.S. Tri razgovora o voynе, progresse i kontse vsemirnoy istorii [Three Conversations about War, Progress, and the End of World History], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1990, pp. 635–762.
10. Solov'ev, V.S. Opravdanie dobra. Nrvastvennaya filosofiya [Justification of Goodness. Moral Philosophy], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 1* [Works in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Mysl', 1990, pp. 47–580.

Individual Works

11. Fet, A.A. Posleslovie A. Feta k ego perevodu Shopengauera [A. Fet's Afterword to his Translation of Schopenhauer], in *A.A. Fet: pro et contra, antologiya* [A.A. Fet: Pro et Contra, Anthology]. Saint-Petersburg: RKhGA, 2022 (Russkiy Put'), pp. 79–84.
12. Fet, A.A. Predislovie A.A. Feta (Gete I.V. Faust. Ch. 2) [Preface by A.A. Fet (Goethe I.V. Faust. Part 2)], in *A.A. Fet: pro et contra, antologiya* [A.A. Fet: Pro et Contra, Anthology]. Saint-Petersburg: RKhGA, 2022 (Russkiy Put'), pp. 94–112.

(Articles from Scientific Journals)

13. Dushin, O.E. Shelling i Solov'ev o probleme zla [Schelling and Solovyov on the Problem of Evil], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2015, issue 1(45), pp. 15–30.
14. Kokovina, N.Z., Silakova, D.V. “Fetovskiy” mir v pis'makh Vladimira Solov'eva [The “Fetovian” World in the Letters of Vladimir Solovyov], in *Teoriya jazyka i mezkul'turnaya kommunikatsiya*, 2023, issue 4(51), pp. 117–129.
15. Nenashev, M.I. Pozdnij Solov'ev: peremena v ponimanii prirody zla i bezuslovnosti [The Late Solovyov: a Change in the Understanding of the Nature of Evil and Unconditional Certainty], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2008, issue 18, pp. 95–112.

16. Tsepeleva, N.V. «Dobro i zlo kak prakh mogil'nyy...»: obraz khudozhestvennoy real'nosti v stikhovrenii A.A. Feta [“Good and Evil as the Dust of the Grave...”: the Image of Artistic Reality in the Poem by A.A. Fet], in *Gumanitarnyy vektor*, 2022, vol. 17, no. 1, pp. 47–54.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

17. A.A. Fet: *pro et contra, antologiya* [A.A. Fet: Pro et Contra, Anthology]. Saint-Petersburg: RKhGA, 2022 (Russkiy Put'). 960 p.

18. Darskiy, D.S. «Rados' zemli». Issledovanie liriki Feta [“The Joy of the Earth”. A Study of Fet's Lyrics], in *A.A. Fet: pro et contra, antologiya* [A.A. Fet: Pro et Contra, Anthology]. Saint-Petersburg: RKhGA, 2022 (Russkiy Put'), pp. 856–857.

19. Kalinnikov, L.A. A. Shopengauer i I. Kant v filosofsko-poetichestkom mirovozzrenii A.A. Feta [Schopenhauer and I. Kant in the Philosophical and Poetic Worldview of A.A. Fet], in *A.A. Fet: pro et contra, antologiya* [A.A. Fet: Pro et Contra, Anthology]. Saint-Petersburg: RKhGA, 2022 (Russkiy Put'), pp. 858–860.

20. Nikol'skiy, B.V. Osnovnye elementy liriki Feta [The Main Elements of Fet's Lyrics], in *A.A. Fet: pro et contra, antologiya* [A.A. Fet: Pro et Contra, Anthology]. Saint-Petersburg: RKhGA, 2022 (Russkiy Put'), pp. 855–856.

21. Perepiska s N.N. Strakhovym. 1877–1892 [Correspondence with N.N. Strakhov. 1877–1892], in *A.A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie. Kniga 2* [Fet and his Literary Entourage. Book 2]. Moscow: IMLI RAN, 2011, pp. 233–550.

22. Perepiska Feta s Vl.S. Solov'evym (1881–1892) [Fet's Correspondence with V.S. Solov'yov (1881–1892)], in *A.A. Fet: Materialy i issledovaniya, issue 2* [A.A. Fet: Materials and Research, Issue 2]. Saint-Petersburg: Kontrast, 2013, pp. 359–428.

(Monographs)

23. Bristol, E. History of Russian Poetry. New York: Oxford University Press, 1991. 372 p.

24. Losev, A.F. *Vladimir Solov'ev i ego vremya* [Solov'yov and his Time]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2009, pp.180–183.

25. Svyatopolk-Mirskiy, D.P. Fet, in *Istoriya russkoy literatury s drevneyshikh vremen po 1925 god* [The History of Russian Literature from Ancient Times to 1925]. Novosibirsk: Svin'in i synov'ya, 2014, pp. 357–362.

26. Wachtel, M. The Cambridge Introduction to Russian Poetry. New York: Cambridge University Press, 2004. 166 p.